

К 20-ЛЕТИЮ АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС

Иллюстрации к статье Г. Волковой «Среднеазиатские виды рода Allium L. на европейском Севере»

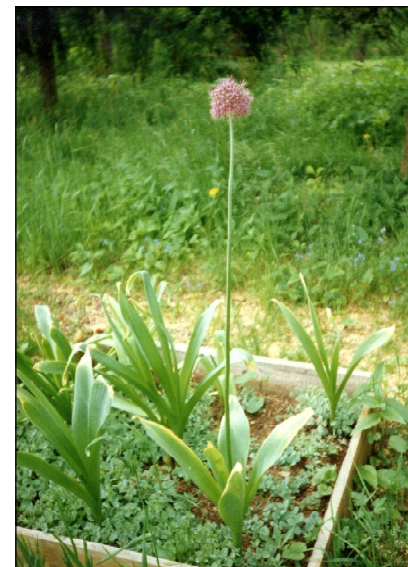

Фото 1. *A. aflatunense* B. Fedtsch. – лук афлатунский в фазе цветения.

Фото 2. *A. aflatunense* B. Fedtsch. – лук афлатунский в фазе плодоношения.

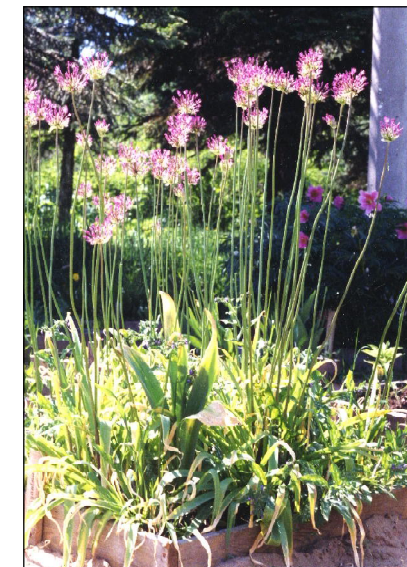

Фото 3. *A. altissimum* Regel – лук высочайший (начало цветения).

Фото 4. *A. altissimum* Regel – лук высочайший в фазе плодоношения.

Фото 5. *A. stipitatum* Regel – лук стебельчатый в фазе цветения.

Фото 7. *A. altaicum* Pall. – лук алтайский в фазе начала цветения.

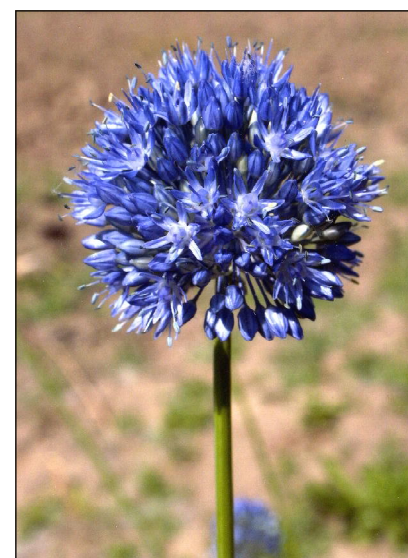

Фото 8. *A. saeruleum* Pall. – лук голубой в фазе цветения.

Фото 6. *A. giganteum* Regel – лук гигантский.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

А. Мелехов

История этого снимка ведет свое начало с 2002 г. Она настолько поразила меня своей вычурностью и прихотливостью, что я решил поделиться с вами гримасами причинно-следственной связи. Я всегда подозревал и все чаще убеждаюсь в том, что ничто в мире не происходит бесследно. Вспомнил рассказ одного зарубежного метеоролога о причинах зарождения мощных ураганов. Он толковал о том, что причины эти бывают такими мелкими и на первый взгляд такими незначительными, что вызывают недоверие. Он привел очень сильное и красивое сравнение: где-то в Уганде бабочка взмахнула крылышками, и родился ураган, затопивший в мексиканском заливе десятки судов и унесший сотни человеческих жизней (в древней китайской философии известно еще одно, более глубокое утверждение: «тронь цветок и потревожишь звезду...»).

Осенью 2002 г. я, как обычно, ездил на своей «окушке» по России. Снимал осень во всех ее проявлениях. Непогода загнала меня за Нижний Новгород. Ехал по шоссе в облаке воды и грязи от встречных фур и думал: где же остановиться, чтобы переждать непогоду. Мелькнул и пропал указатель «Большое Болдино», а в голове мелькнула и застряла мысль, что если и переждать что-то, где-либо, так это в Болдино. Благо прецедент был. Свернул на проселок и под вечер был уже в Болдино. Объехал окрестности и более подходящего места, чем родовая роща Пушкиных «Лучинник», не нашел. Остановился, а дождь не унимается, и ветер рвет ветви деревьев. Сижу, слушаю Лемешева, его теплый голос выводит: «Куда, куда вы удалились...». Подумалось – как странно все сложилось, что я свез в одно место и печальный голос Лемешева и музыку Петра Ильича Чайковского и стихи человека, которому сей уголок мог быть дорог. Почудилась некая призрачная связь и причастность к их судьбам. Теплее стало в машине.

Вот на лобовое стекло, где сквозь струи дождя просвечивала дорога, прилетел и приклеился кленовый листочек. Светится весь, капли к нему бегут, спотыкаются. Он и сейчас лежит предо мной на рабочем столе: постарел и пожух – время не красит. А тогда я даже затаил дыхание – так он был великолепен. Схватил фотоаппарат, сфотографировал. Выскочил под дождь, поправил немного, снова сфотографировал. Красивый получился снимок и теперь, когда смотрю на него – звучат в душе и ветер, и шум дождя, и музыка. Вот такие моменты и освещают жизненный путь. Светил тот листочек какие-то пять минут, а освещает годы. Я даже о впечатлениях той осени написал «Путевые заметки»¹. Писал о том, как, очарованный, двое суток просидел перед храмом Покрова-на-Нерли в ожидании облака для снимка, но вспомнил и об этом листочке.

Потом, уже зимою, меня вычислил в Интернете старый университетский товарищ. Спросил, как я живу, чем занимаюсь. Ну и чтоб было понятно, чем я занимаюсь, я ему тот опус выслал. Прошло неко-

торое время – приходит от него электронка («мыло» – сейчас говорят) и в ней он «намылил», что, дескать, Британский совет при Британском консульстве объявил международный конкурс на лучшую фотографию и эссе с долгим названием «Дорога». Это, мол, тебе в тему, ты же по этим самым дорогам намотал многие тысячи километров, да еще и писать пытаешься. Каюсь, на e-mail я не ответил, а фотографии послал. Эссе не мой профиль, а фото три штуки подобрал, среди них и тот листочек.

Месяца через три приходит почта с поздравлениями и сообщением, что моя фотография стала абсолютной победительницей в этом международном конкурсе. Победителям были обещаны призы в виде фотоальбома Ф. Гудвина (великолепный альбом, великолепные портреты). Вторая часть приза – участие в семинаре с одним из лучших английских фотографов. В декабре 2005 г. я был удостоен чести принять в нем участие. Принимала британская сторона, а вела семинар Мелани Меншот – известный английский фотограф. Её стезя – концептуальная фотография. Все было интересно и достаточно ново. Мелани удалось раскрыть мои подслеповатые глаза на мир современного фото. Семинар отличался живостью и проходил, как принято говорить, в теплой дружеской обстановке. Во всяком случае, мне было комфортно в среде фотографов, среди этой специальной терминологии и людей, объединенных одной идеей.

Мелани Меншот после презентации и рассказа о современном фото предложила нам принять вызов и сделать свои фотографии на улицах Москвы. Она так и сказала – принять вызов и назвала темы: «город – место жизни»; «город – пространство» и «событие или образ». Ну, думаю, взяли в оборот, город не моя творческая среда. Я никогда город не снимаю. Монастыри, церкви, старые дома, как элементы ландшафта, я люблю снимать, но толчею, людей в городе никогда не снимал. Другими словами – я не урбанист. Пересилил себя из уважения к Мелани и устройте семинара; побрел по городу в поисках удачного ракурса. Стемнело, а пленка «сотка». Купил в каком-то киоске 400 единиц, думаю, не хватит – уж очень темно. Потом решил, что при проявке пропущу.

Шел снег, машины стояли заснеженные и застывшие, мне даже как-то жалко их стало. Мелькнула мысль написать на стекле «Help!» и сфотографировать. Мелькнула и пропала. Поехал к трем вокзам искать образ. Странно было наблюдать, что самые занятые и деловитые люди на улице – это бомжи и нищие... Вот один подскочил к урне, засунул руку по плечо внутрь и вытащил бутылку. Осмотрел, вытащил другую – все это с самым серьезным и сосредоточенным видом. Делал – как судьбы мира решал. Не осмелился сфотографировать – побоялся стереть вдохновение с его заросшей физиономии, а ведь это был образ. Привлекла внимание одинокая черная фигура возле вентиляционной решетки. И

поднял уже фотоаппарат, но тут он меня заметил – стал сверлить глазом. А я не люблю, когда меня сверлят. Ушел. Снял что-то в свету на фоне гигантского плаката ГОЭРЛЮ, еще что-то, но в душе ничто не осветилось.

Когда вышел из метро, увидел огромную афишу с портретом Владимира Федосеева. Вот, думаю, профессионал – как просит музыкантов выдать нужную ноту, нужную интонацию. Талантливые люди талантливы во всем, даже в жесте. Интересно, думаю, если бы нищий просил милостыню с такой страстью, смог бы ему кто-нибудь отказать. Вот тут мне и вспомнились заснеженные машины – способ выразить эту мольбу словами.

Подожел к таксисту, объяснил все. Спрашиваю: можно на крыше вашей машины написать «HELP!»? Он улыбнулся и говорит: «Да, плиз, плиз». Люблю людей с чувством юмора. Попытался написать – не получилось, под снегом оказался лед. Извинился, отошел и вижу, стоит крутая иномарка: чистая, черная, сверкающая как рояль (Федосеев сравнение навеял). Снег слегка припорошил тонированные стекла. Покрутился вокруг – вроде никого нет. Ну, думаю, сразу не пристрелят, снимок успею сделать. Подошел, на заднем левом окне написал: HELP! Посмотрел в видоискатель – красиво, но света не хватает, пришлось выкрутить диафрагму, выдержку 1/15 поставил. Решил сделать три снимка: Федосеев в фокусе, среднее и «HELP!» в фокусе. Отснял и почувствовал, что долг перед Мелани и англичанами выполнил. Нашел студию, что работает круглосуточно (очень удобно!). Утром получил снимки.

На семинаре обсуждались работы авторов, сделанные ранее, и выполненные задания. Настал и мой черед. Сначала показал привезенные с собой фото, оформленные в паспорту. Гера – фотограф из Санкт-Петербурга – мне сказал: «Ты бы видел ее (Мелани) лицо!», т.е., то, чем я занимаюсь, получило одобре-

ние. Я воодушевился и выложил три своих вчерашних снимка. Она сразу стала строже. Разложила их на столе, шевелила губами, равняла, двигала и, наконец, сказала: «Знаете, Вам удалось сделать серьезное произведение искусства, поздравляю!» Я вспыхнул и спросил, а насколько серьезное? Она говорит настолько, что можно выставить в лондонской галерее. Я ответил: «Спасибо, Вы меня прямо обласкали». А когда ей перевели слова на фотографии: вера, надежда, любовь – она захлопала в ладоши, а может, мне показалось.

И вот я приехал домой, отсканировал негативы, напечатал фото, оформил работу в паспорт и сел размышлять. И может быть, только теперь я понял, что она имела в виду, говоря о

произведении искусства. Она подчеркнула – если бы это был один снимок, а не триптих, то это был бы просто удачный снимок, а так – это произведение искусства и ни в коем случае не нужно разделять его. В нем действие; в нем, при рассматривании, переносятся акценты; он живет и разговаривает. Я глубоко признателен Мелани за предоставленные возможности и предпосылки сделать этот снимок. Он мне нравится, так как касается многих моментов нашей действительности.

«О культуре, о милосердии, и о...» – так я его назвал. Сделан он 10 декабря 2005 г. на улицах Москвы (Nikon-FM2, Micro-NIKKOR-55; 2,8; 1/15; Kodacolor-400).

Но заметьте – окно осталось закрытым, а так не должно быть. Ведь с верой, с надеждой и любовью!; о культуре!; лучшие люди!

Да, я совсем забыл о бабочке, чьи крылышки родили ураган. Вот тот самый листочек и есть бабочка, а следствие – уж этот снимок, который я предложил вашему вниманию. Теперь думаю, на какой бы конкурс его отправить, чтобы история не прерывалась. А до Лондона так далеко...

¹ Мелехов А. Путевые заметки // Вестн. Института биологии, 2002. № 11(61). С. 32-35.